

С. В. Рязанова

РЕГИОНАЛЬНОЕ ПРАВОСЛАВИЕ: ЛОГИКА ЭВОЛЮЦИИ (Пермский край)

Исследование посвящено особенностям развития православия в провинции, сложившимся в дореволюционный, советский и постсоветский периоды. Ставятся два основных вопроса: 1) можно ли говорить о православном ренессансе в провинции начиная с 1990 г.? 2) существуют ли устойчиво воспроизводимые в историческом процессе специфические черты местного православия? При анализе православной общины и клира Пермского края учитывался ряд факторов: периферийное положение и полиэтничный характер региона, влияние атеистической пропаганды и светской системы образования, наличие других традиционных и новых религий. Рассматриваются два полюса православной жизни — паства и клир. Представление об особенностях православной общины формируется на основе архивных данных, мониторинга храмовых служб в течение 2014 г., результатов анкетирования и работы двух фокус-групп. Православное священство Пермского края характеризуется при помощи архивных данных, контент-анализа региональной прессы и местных православных сайтов, результатов серии интервью. Библиогр. 10 назв.

Ключевые слова: православная церковь, развитие православия, община, провинция, Пермский край.

S. V. Ryzanova

REGIONAL ORTHODOXY: LOGIC OF EVOLUTION (Perm Krai)

Research is devoted to the features of development of Orthodoxy in the province which developed during the pre-revolutionary, Soviet and Post-Soviet periods. The main research question has two parts: whether it is possible to speak about the orthodox Renaissance in the province since 1990 and whether there are features which are steadily reproduced in historical process in local Orthodoxy. In the analysis of an orthodox community and clergy a number of factors is considered: peripheral situation and number of peoples in the region, influence of atheistic propaganda and secular system education, co-existence of other traditional and new religions. Two policies of orthodox life — ordinary believers and clergy are considered. The features of an orthodox community are characterized when using archival documents, supervision on liturgy during 2014, the carried-out questioning and two focus groups. The orthodox priesthood of region is characterized using archival documents, the content analysis of the regional press and sites, some interviews. Refs 10.

Keywords: Religious Studies, Orthodox, religious community.

Пространство представлений о православной вере, Русской православной церкви (РПЦ) и связанных с ними традициях и практиках в настоящее время является очень широким. Социологи утверждают, что формально за последние 10 лет религиозность россиян выросла, при этом 72% россиян считают себя православными [1] (пять лет назад православными назвали себя 59% респондентов [2]).

Для Прикамья православие — также актуальный феномен конфессионального пространства. Восстановленные монастыри регулярно принимают паломников

Рязанова Светлана Владимировна — доктор философских наук, доцент, старший научный сотрудник, Пермский научный центр Уральского отделения РАН, Российская Федерация, 614000, Пермь, ул. Ленина, д. 13а; svet-ryazanova@yandex.ru

Ryzanova Svetlana V. — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Perm Scientific Center of Ural division of Russian Academy of Sciences, 13a, ul. Lenina, Perm, 614066, Russian Federation; svet-ryazanova@yandex.ru

[3]. В Перми открылись духовная библиотека, воскресные и регентская школы, катехизаторские курсы, школа православных ремесел, клубы православных единоборств, функционирует благотворительная столовая. Свято-Троицкий мужской монастырь и община Церкви Святой Екатерины приняли участие в организации детских оздоровительных лагерей. В Пермском крае официально зарегистрировано на 1 января 2014 г. 224 прихода РПЦ. В самой Перми насчитывается сорок два действующих храма.

С марта 2014 г. происходит превращение епархии в митрополию, еще не до конца завершенное: из-за разногласий между высшим клиром митрополии и представителями патриархии в Москве до сих пор не назначен на должность епископ Соликамский и Березниковский. Это не мешает активно функционировать православному сообществу, несмотря на нехватку священников и отсутствие ежедневных служб в ряде храмов. Представители РПЦ являются неперенными участниками ряда общественных и культурных мероприятий. Внешняя активность и заявка на активное участие в культурной жизни не компенсируют недостатка информации об особенностях православной общины края, провоцируя рост исследовательского интереса (об особенностях исследований пермского православия см.: [4]).

В проведенном нами исследовании методы количественного анализа сочетаются с методами качественной социологии. Для получения максимально точных результатов использовались архивные материалы, осуществлялся перекрестный анализ ответов, полученных в ходе анкетирования, наблюдалось поведение верующих во время литургии. В качестве дополнительного источника информации были использованы данные, полученные в процессе работы двух фокус-групп (по 15 человек каждая). Методика сбора информации при помощи полуструктурированной фокус-группы не является традиционной для религиоведения и смежных дисциплин. Мы предполагаем, что она, в отличие от структурированного интервью *«face-to-face»*, обеспечивает свободный характер беседы и позволяет получить информацию от респондентов интровертного типа за счет эффекта «массового движения». Были соблюдены принципы социальной и возрастной однородности (опрашивались работники горной промышленности и рабочие промышленных предприятий, мужчины в возрасте 27–40 лет). Преимуществом фокус-группы для религиоведческого исследования является возможность получения глубинной информации, связанной с интимными вопросами и тщательно охраняемой от посторонних в обычном общении, а также подробной фиксации отношения к проблеме. Поскольку результаты, полученные в фокус-группах, нельзя переносить на генеральную совокупность, мы верифицировали их с помощью информации из других источников.

Анкетный опрос охватил женскую часть православного сообщества, что не в последнюю очередь было связано с характером общины в целом. Среди реально воцерковленных женщины, судя по данным проведенного в 2014 г. мониторинга храмов, составляют 75–85%. То же самое касается посещения катехизаторских курсов, школ ремесел, участия в православном образовательном процессе. Поэтому мы полагаем, что полученные данные дают адекватное представление о специфике опыта религиозной жизни православных Прикамья. Говорить о некой единой православной модели поведения достаточно сложно в силу крайней размытости границ группы верующих, которые называют себя православными. Представленная

статистика, на наш взгляд, является индикатором тех процессов, которые весьма интенсивно протекают в религиозном пространстве Церкви, сегодня вновь претендующей на статус государственной. Уровень соответствия реального поведения верующих даваемым Церковью установкам как нельзя лучше показывает, насколько РПЦ влиятельна в сознании если не большей части населения страны, то хотя бы тех, кто относит себя к православной традиции.

Среди формально воцерковленных верующих (анкеты собирались на основе идентификации себя респондентами как православных людей, вне связи с ритуальной практикой) только 65% опрошенных указали, что религия для них очень важна (среди учащихся катехизаторских курсов — 82%), более отстраненную позицию заняло почти 30% опрошенных (на курсах — лишь около 7%). Самым важным в религии 74% «формальных» верующих назвали следование ее принципам и канонам, 14% затруднились ответить на этот вопрос (среди учащихся курсов такие ответы дали соответственно 62% и 3,5% опрошенных). Считают себя постоянно помнящими о Боге 67% «формальных» прихожанок и 93% слушательниц курсов; признают возможность контакта с Абсолютом около 46% «формалисток» и 85% получающих православное образование. Обратные результаты наблюдаются, когда дело касается владения информацией об исповедуемом учении и культовой практике. С положениями веры знакомы 58% респондентов (на курсах — 55%), с историей возникновения учения и обрядами — 60% (на курсах — 52%), с молитвами — 68% (на курсах — 70%). Регулярно молится только 38% «формальных» верующих и почти 61% посетителей курсов, почти столько же вспоминает о молитве тогда, когда им очень плохо, у первых и только 11% — у вторых. Среди элементов религии как системы респонденты лучше всего знакомы с праздниками (соответственно 85% и 63%), что говорит о большем внимании представителей первой группы к внешней стороне религии, а также, возможно, о наличии поверхностного и конъюнктурного отношения к ней. В необходимости храма уверены почти 90% (на курсах — 96%), а совершить паломничество хотели бы 66% опрошенных (на курсах — 88%). В универсальности Бога для всех людей уверены 90% респондентов (на курсах — 96%). Почти 90% (74% по данным с курсов) православных женщин имеют единоверцев в своей семье и в кругу друзей. Три четверти женщин указали, что к этой категории можно отнести и супруга. 44% опрошенных (80% на курсах) категорически не согласны на брак ребенка с иноверцем. 64% опрошенных (80% на курсах) согласны на то, чтобы их дети посещали воскресную школу при храме. Около 30% респондентов работают вместе со своими единоверцами и желают сохранения этой ситуации. 20% исповедующих православие считают оскорбительным для себя невнимание части русского населения к традиционной религии. Мировоззрение верующих женщин, наряду с религиозными чертами, содержит элементы мифологического и светского мировосприятия. Так, почти 60% православных (на курсах — 80%) уверены в наличии Божественного промысла в мире, а 27% (на курсах — 15,5%) допускают самостоятельный выбор человека. В гороскопы не верят 46% опрошенных (58% слушательниц курсов), а 35,6% (на курсах — 38,5%) иногда все-таки обращаются к ним из любопытства (см. подробнее: [5]).

В ходе работы фокус-групп, состоящих из представителей мужской части общества, были зафиксированы характерные высказывания:

«Я православный, потому что я “крещеный”... Верующим я себя не считаю, так как если бы не определенные обстоятельства моей жизни, я бы до сих пор не стал бы даже православным. По своей сути я атеист, но после моих последних приключений я не знаю, кто меня наказывает за мои грехи»;

«считаю себя православным и *немного*¹ верующим»;

«могу считать себя православным — это вера моих предков. Но верующим себя назвать не могу, в силу многих причин»;

«я считаю себя православным, потому что соблюдаю традиции, обычаи»;

«человек может считаться православным, если он ходит в церковь, соблюдает традиции, но верит в то, что кто-то там, на небесах, ему помогает»;

«я православный, но *сильно в Бога не верю*»;

«православный, *неверующий*, но в тяжелые жизненные ситуации/времена обращаюсь к религии и прошу себе помощи/поддержки»;

«я православный, потому что крещеный и мне импонируют духовные идеи и ценности Русской православной церкви... *право каждого человека верить в Бога или кого-то другого*».

Большинство респондентов указывают на связь своего отношения к религии и семейных традиций, а также исторического наследия. При этом основным сегментом религиозной системы становится идентификация на основе стереотипов и стандартных поведенческих образцов. Всё это позволяет говорить о довольно невысоком уровне религиозного переживания среди большинства православных, несмотря на преемственность веры. Последняя часто сводится к набору внешних действий, иногда конъюнктурного характера.

К действиям внешнего характера прежде всего следует отнести участие в системе обрядов. Чтобы понять, насколько пермяки обоих полов готовы включаться в культовую деятельность, в течение февраля — октября 2014 г. мы провели мониторинг городских храмов во время утренних и вечерних служб в будние и выходные дни, на двенадцатые праздники, в том числе в течение пасхальной недели (подробные результаты представлены в работах: [6, 7]). Данные наблюдений показали, что в обычные дни посещаемость храмов, особенно утренних служб, крайне низка, что лишь отчасти объясняется режимом работы молодежи и людей среднего возраста. Некоторые храмы предлагают раннюю литургию, которую при желании можно посетить перед работой. Только треть посетителей выстаивает службу от начала до конца, детей стараются приводить ближе к концу (к причастию) [8]. Участвующие в службе иногда плохо осведомлены о порядке богослужения, зачастую не соблюдают правила, касающиеся одежды, не знают, как вести себя во время службы. Резкий всплеск посещаемости приходится на праздники, но и в этом случае налицо «заходной» характер посещений, формальное участие со стороны большинства прихожан и, судя по всему, минимальная степень осознания ими происходящего в храме.

Представляется возможным выделить ряд факторов, определяющих интенсивность ритуального поведения прихожан:

— отдаленность от центра (снижается возможность посещения живущими в других районах), нахождение храма внутри монастырского комплекса, статус

¹ Курсив здесь и далее мой. — С. Р.

домовой церкви; с другой стороны, «корпоративный» характер храма может служить залогом присутствия постоянных посетителей;

— персональный фактор (личность священника, грамотность клира, грубость по отношению к прихожанам, нетрадиционная ориентация клира);

— городской «ландшафт» (наличие жилых массивов, близость к месту работы и развитость системы коммуникаций и транспорта);

— «намоленность» здания, внешний вид, изначальное назначение помещения;

— вместительность храма;

— наличие месточтимых святынь — объектов поклонения (икона в Кондратово, помогающая совершать сделки с недвижимостью);

— уровень информационного обеспечения;

— график проведения служб;

— психологическая обстановка в храме;

— погодные условия в населенном пункте и температурный режим помещения;

— административный фактор;

— прагматический (экономический) аспект;

— эстетический критерий привлекательности храма;

— наличие дополнительных учреждений.

Мы полагаем, что на бытовом уровне характер православия в Прикамье не изменился на протяжении второй половины прошлого и начала нынешнего века. Подверженный интенсивным влияниям со стороны официальной пропаганды, массовой культуры во всех ее проявлениях, бытовых стереотипов, современных мифов и рудиментарно сохранившихся традиционных культурных устоев, современный верующий существует словно на перекрестке культурных тенденций, выбирая среди них наиболее приемлемые способы отношения к сакральному и варианты воплощения этой связи. То, что принято называть «обрядоверием», на самом деле представляет собой компромисс между тягой к священному, низким уровнем религиозной культуры, интенсивностью мифогенеза и ритмом повседневной жизни. Православным пастырям придется смириться с тем, что идеальный тип верующего мирянина — почти монаха будет воплощаться всё реже, трансформируется и примет новый, актуальный для культуры образ.

Клир Пермского края олицетворяет другой полюс православной культуры — если говорить об уровне знакомства с канонами и правилами проведения обрядов, а также о претензиях священства не только на окормление членов конкретного прихода, но и на определение вектора развития отечественной культуры². Возможностью осуществлять властные функции хотя бы в какой-то части социокультурного пространства объясняется популярность каналов вертикальной мобильности, связанных с религиозной сферой, у бывших представителей силовых структур. Клир участвует в разработке, принятии и реализации управленческих решений (процессы дескуляризации, реставрация разрушенных храмов, участие в работе межконфессионального совета при главе города), определении стратегии развития религиозной общины (открытие православной гимназии и семинарии),

² Т. Веблен писал о росте в современном обществе роли «инженеров-организаторов» как более эффективных в условиях разрастания системы и усиления необходимости сохранять ее в структурном и коммуникативном планах [9, с. 200–218].

выработке религиозной «идеологии», формировании общественного мнения (благотворительный матч по баскетболу между православными и мусульманами), привлечении масс к религиозной и околорелигиозной практике (традиционная проповедническая деятельность). В наибольшей мере сплоченность элиты реализуется за счет канонических норм и требований ритуального характера, а раскол осуществляется в связи с отношением к новациям, к правящему режиму, несовпадением взглядов по экономическим вопросам.

За вычетом контроля со стороны власти, принципы отбора в священнослужители с 1990 г. не изменились, тем более что еще служит часть клира, действовавшая в советское время, поэтому можно говорить о широком социальном спектре происхождения провинциальной православной элиты. Она, несомненно, являет собой авторитарную разновидность элиты, хоть и декларирует в своих публичных выступлениях и заявлениях принадлежность к демократической группе.

В попытках контролировать межконфессиональное пространство высший клир Прикамья претендует на сращивание с политической элитой, игнорируя собственно религиозный дискурс. Если в качестве важнейших показателей рассматривать оптимальное сочетание горизонтальной и вертикальной интеграции и эффективность системы рекрутирования, обеспечивающую высокую профессиональную компетентность [10, с. 106], то применительно к пермскому православию можно говорить о предельной результативности. Сообщество иереев отличается высокой корпоративной солидарностью, крайне низкой информационной открытостью, предельной ориентированностью на реализацию интересов РПЦ, стремлением манипулировать представителями светской власти для осуществления поставленных целей. При этом налицо невысокая степень горизонтальной интеграции, поскольку отсутствует принятие коллективных решений, широко применяется практика выведения за штат и отправления «на покой» тех священнослужителей, которые не согласны с непопулярными административными решениями. Предотвращение и разрешение конфликтов осуществляется за счет рычагов административного давления, использования тех самых коротких связей внутри религиозной сферы и за ее пределами. Приходится признать, что провинциальная православная элита воспроизводит особенности вышестоящей, центральной элиты, клонируя ее принципы и модели поведения.

Литература

1. ФОМ: 72% россиян считают себя православными // Информационно-аналитический центр «СОВА». 19.03.2010. URL: <http://www.sova-center.ru/religion/discussions/how-many/2010/03/d18258> (дата обращения: 04.12.2014).
2. Более четверти россиян не считают себя верующими // NEWSru.com. 24.04.2008. URL: <http://www.newsru.com/religy/24apr2008/glaeubige.html> (дата обращения: 04.12.2014).
3. Письмо президента фонда «Белая гора» В. И. Рыбакина // Государственный архив Пермского края. Ф. р-1204, оп. 3, д. 79, л. 8.
4. Рязанова С. В., Зубарева Е. А. Методы исследования РПЦ в провинции: проблемы и перспективы // Практична філософія. 2014. № 3 (53). С. 33–42.
5. Рязанова С. В., Михалева А. В. Феномен женской религиозности: региональный аспект. Пермь: Изд-во ПГУ, 2011. С. 150–172.
6. Рязанова С. В., Зубарева Е. А. Православный верующий Прикамья: XX–XXI вв. // Научный результат. 2014. № 1. С. 12–14.

7. *Рязанова С. В., Зубарева Е. А.* Сакральное пространство православной Перми: человек XXI в. в храме // Социология религии в обществе позднего модерна: сб. ст. Белгород: Изд. дом «Белгород», 2014. С. 270–273.

8. *Давиденко В. И.* Детопричастие // Facebook. 28.10.2014. URL: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=752323444839387&set=a.340562772682125.77909.100001852159451> (дата обращения: 05.11.2014).

9. *Веблен Т.* Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 368 с.

10. *Абрамова И. Е., Пономаренко Т. В.* Российская политическая элита в контексте современного политического развития // Теория и практика общественного развития. 2013. № 12. Т. 2. С. 106–108.

Статья поступила в редколлегию 16 ноября 2014 г.